

Анализ романа "Мы" Замятина Е.И.

Несмотря на активное неприятие идеологической направленности романа «Мы», многие современники отмечали его бесспорные художественные достоинства (К. Федин, М. Горький), благодаря которым он стал значительным явлением литературы XX столетия.

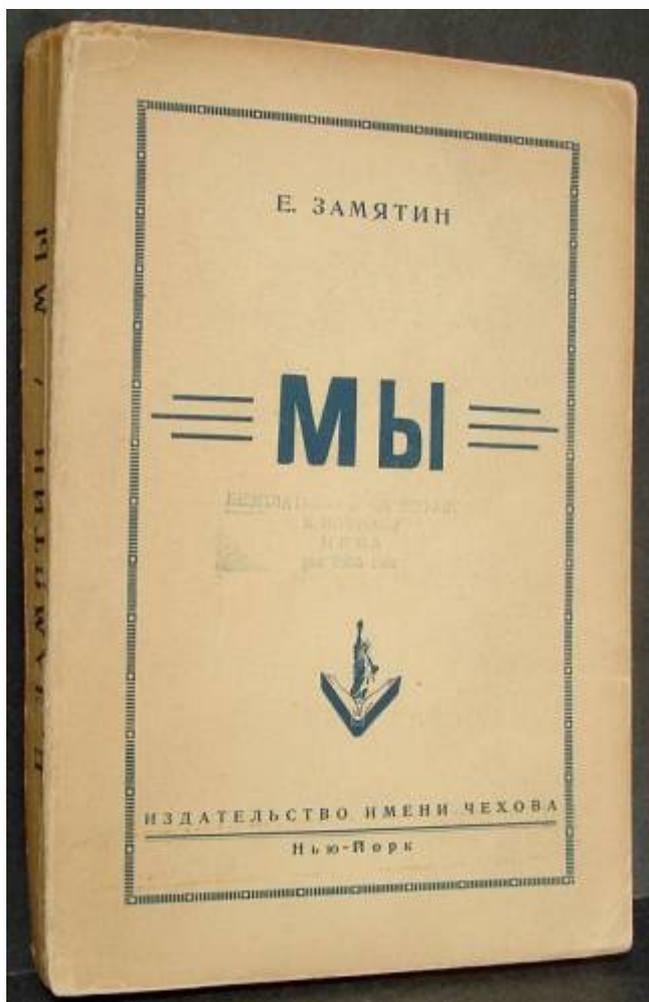
Идейно-художественное наполнение романа во многом находилось в плоскости творческих и философских поисков Замятина того времени. В области философии Замятина захватывает идея энтропийности происходящих в мироздании процессов. Основная идея человеческого бытия и творчества, как квинтэссенции этого бытия, состоит, по Замятину, в противостоянии энтропии (естественному распаду, энергетической деградации вселенной). Эти идеи выразились в таких его статьях, как «Роберт Майер» (о философе, предложившим идею энтропийности), «О литературе, революции, энтропии и о прочем» и др.

В области литературного творчества Замятин вынашивает идею художественного перевооружения современного искусства, нарекая ее «синтетизмом» (суть этого понятия также раскрыта в ряде статей той поры). Например, в одной из них Замятин пишет о том, что реализм мир видел простым глазом. Через поверхность мира символизму мелькнул скелет - и он отвернулся от окружающего мира. Это, по мнению Замятина, тезис и антитезис. Задача состоит в их соединении в новом "синтезе", в котором одновременно будет и свойственный реализму микроскоп, и стекла символизма, уводящие, подобно телескопу, к бесконечностям.

В статье «Новая русская проза» Замятин, обращаясь к опыту В. Каверина, Л. Леонова, И. Эренбурга, Н. Огнева, Л. Лунда и других «серапионовых братьев», оценивал «сплавы из фантастики и реальности» как перспективную общую тенденцию новой литературы. Именно в «фантастическом реализме», как называл свое искусство Достоевский, он видел истинный путь постижения этого смятенного времени. В молодую советскую литературу «фантастический реализм» пришел в совсем других, новых и разных, обликах — но с подобным же внутренним устремлением. Наиболее глубинным и органичным его воплощением явилось именно творчество Замятина, М. Булгакова, А. Платонова.

Самым "фантастическим" стал роман "Мы", наиболее крупное творение Замятина пооктябрьского времени. Этот роман был написан в 1921 году. Он является первым творением такого рода в литературе

советского времени. Считается общепризнанным, что "Мы" Замятина предопределило во многом развитие в различных зарубежных литературах жанра "антиутопии", ее главной проблематики - драматической судьбы отдельной личности в условиях тоталитаризма.

В этом ряду, кроме Замятина, называют обычно имена автора романа под названием "Прекрасный новый мир" О. Хаксли, а также Д. Оруэлла ("1984") и некоторых других. Первым, кто предельно точно сказал об "антиутопии" 20 века и "пионере" ее, оказался сам Замятин. Он противопоставил в работе о Г. Уэллсе классические утопии, авторы которых (Т. Кампанелла, Т. Мор, У. Моррис и другие) дают строение общества, кажущееся им идеальным. Замятин заметил, что фантастика имеет знак "минус", а утопия - "плюс". Романы Герберта Уэллса нацелены практически исключительно на то, чтобы вскрыть существующие в социальном строе дефекты, а не на то, чтобы дать картину грядущего рая.

Как считает Замятин, творчество Уэллса открывает одно из самых перспективных направлений в литературе нашего века. В длинный перечень имен и названий, призванный подтвердить это, он вводит и

свой роман «Мы». К нему относятся в полной мере признаки «антиутопии», перечисленные в статье.

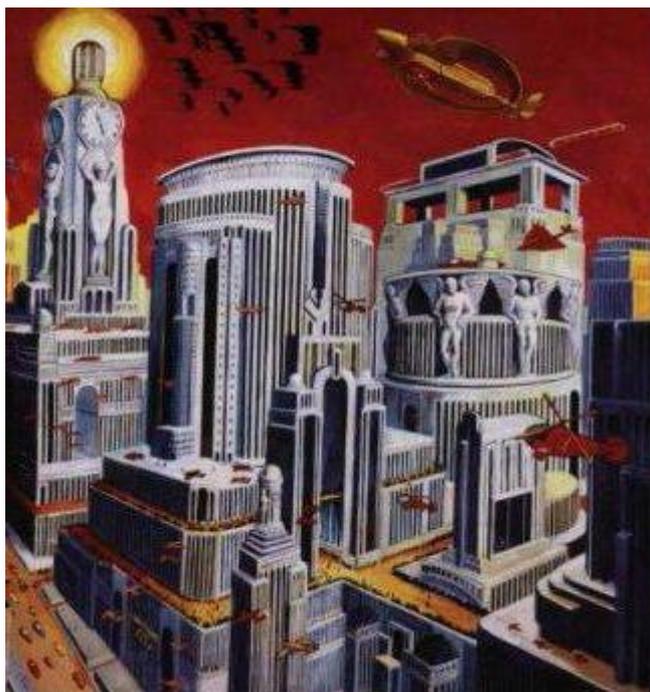
Многие читатели восприняли роман как сатиру на современную действительность, но рассмотрение романа только в плоскости социальной сатиры, имеющей конкретные временные и национальные привязки, во многом обедняло идейно-художественное содержание произведения, которое во многом было шире такого понимания. «Предупреждением о двойной опасности, грозящей человечеству: гипертрофированной власти машин и гипертрофированной власти государства» назвал свой роман Замятин. Именно эта угроза прежде всего страшила и авторов последующих западных «антиутопий». Так у Хаксли в «Прекрасном новом мире» (1932) «Мировое Государство» будущего, где летосчисление ведется «от Форда» и в чьем девизе начертано слово «Однотипность», безраздельно и неусыпно властвует над жизнью всех членов общества — с помощью совершенной техники и недреманного ока «Верховных Контроллеров» (у Замятина — Хранителей). Властвует от рождения (в инкубаторах) и до смерти, полностью обезличивая основную массу и жестоко отсекая «всех тех, кто... оказались слишком яркими... кого не удовлетворяют стандарты правочности...».

В 1923 году Замятин сказал по поводу обвинений отдельных литераторов из группы «Серрапионовы братья» в антиреволюционности о том, что в России нет сейчас враждебных революции писателей. Их выдумали для того, чтобы не было скучно. Повод для этого - то, что они не считают, что революция является "чахоточной барышней", которую требуется оберегать от любого сквозняка.

Автор «Мы» испытал воздействие идей Достоевского — создателя «Записок из подполья», «Бесов» и «Легенды о Белином инквизиторе» (из «Братьев Карамазовых»). В литературе о Замятине на это обратили внимание уже очень давно.

В «антиутопии» Замятина есть прямые ассоциации с Достоевским — например, столь близкие философии Великого инквизитора рассуждения Благодетеля (запись 36-я) о «любви к человечеству», которая «неприменно бесчеловечна», и о людях, мечтающих о том, чтобы кто-нибудь «приковал их... на цепь» к их «счастью». (Позднее Хаксли, приходя к тому же источнику, вложит в уста Верховного Контроллера из «Прекрасного нового мира» слова о людях, тяготящихся своей свободой, превратившейся в анархию, жаждущих покориться власти, «отдать под контроль даже свой аппетит».) Другой

пример: постоянная ирония Замятина по поводу «стеклянного рая», в котором среди «прозрачных, как бы сотканных из сверкающего воздуха стен» живут, «всегда на виду», люди-номера» Единого Государства (в «Записках из подполья» — ирония по поводу «хрустального дворца» — общества будущего в духе социалистов-утопистов (напр., Н. Чернышевского), где «все поступки человеческие... будут расчислены... математически», как повелевают «разум и выгода»).

Предусматривавшая централизацию в стране экономической и политической жизни, ряд стеснительных (включая уравнивательные) жестких мер революционная политика Замятину представлялась единственной моделью дальнейшего движения — новым, наряду с буржуазным, вариантом тоталитаризма. Уже в 1918 году он полагает, что освободительная стихия захлебнулась (статья «Скифы ли?»).

Открывает книгу символический образ «огнедышащего ИНТЕГРАЛА», который является чудом технической мысли и, в то же время, орудием жесточайшего порабощения. В функцию машины превратили человека деспотическая власть и бездушная техника. Они у него отняли свободу, в добровольном рабстве воспитав его. Этому лишенному имени "человеку-номеру" внушено было, что "счастье" заключается в отказе от собственного "Я" и растворении в "МЫ", так как личное сознание является всего лишь болезнью. Человеку внушено было, что творчество - "государственная служба", а не "соловьиный свист". А интимная жизнь - это также государственная обязанность, которая исполняется согласно "Табелю сексуальных

дней".

В романе Замятин воспротивился в первую очередь фетишизации коллективности и фетишизации техники (которые очевидно наблюдались в революционной идеологии). На всем протяжении книги можно найти тому подтверждения: например, упоминание о «наших поэтах», которые «с нами в ногу идут под строгий механический марш Музыкального Завода», призывы наподобие такого: «забыть, что ты — грамм и почувствовать себя миллионной долей тонны...» (едва ли не явная цитата из Маяковского) и др.

Тем не менее, излюбленной сферой писателя остаются «вечные вопросы». Центральный из них: как соотносятся естественные свойства души, человеческая природа, стремящаяся к свободному самовыявлению, и искусственные условия ее существования — социальные, бытовые, психологические, созданные самим человеком. Один из лейтмотивов романа — рационализм как преступление против человечности, разрушающее живую душу. Еще одним лейтмотивом, в наши дни особенно актуальным, является "антиобщество", которое изображено в романе. Оно несет гибель самому естеству жизни, изолируя от природы человека. Образ отделившей наглухо от неразумного мира животных, птиц и деревьев совершенный (машинный) мир Зеленой Стены является в произведении одним из наиболее зловещих. Следует выгнать людей, "обросших цифрами" голыми в леса для того, чтобы они там учились у солнца, цветов, птиц. При этом речь в романе идет не о пресловутом «голом человеке на голой земле», не о «руссоистском» бегстве от цивилизации, а о восстановлении целостной сущности человека.

Смысл сверхзадачи, высказываемой Замятиным в романе, прост: нельзя ставить точку там, где нет конца движению. Условие живой жизни мира — его непрестанное обновление. В статьях Замятина это названо «бесконечной революцией».

Источник: Родин И.О. Все произведения школьной программы в кратком изложении: 11-й кл./И.О. Родин, Т.М. Пименова. - М: АСТ: Астрель, 2009.